

СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА КАК ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ (О “МИРНОМ” СОСУЩЕСТВОВАНИИ МНОЖЕСТВА НЕСОВМЕСТИМЫХ ТЕОРИЙ ЯЗЫКА)

© 2013 г. А. Д. Кошелев

В статье отмечается характерная черта современной теоретической лингвистики: одновременное сосуществование и независимое развитие целого ряда противоречащих друг другу теорий языка. Иллюстрацией этого тезиса служит сопоставительный анализ теорий Н. Хомского, Р. Джекендоффа, И.А. Мельчука, А. Вежбицкой, Дж. Лакоффа и др., выявляющий их антагонизм в самых разных аспектах: в вопросе о роли языка в мышлении, о модульности языка, структуре его выражений, природе языковых значений и др. (п. 1, 2). Аналогичная картина обнаруживается и при сопоставлении описаний основных компонентов языка – лексики, грамматики и соединяющего их “интерфейса” (п. 3). Показано также, что рост числа несовместимых лингвистических теорий, быстро прогрессирующий со второй половины XX века, свидетельствует о нарастающем кризисе теоретической лингвистики. При этом ни научные дискуссии, ни применение естественнонаучной методологии, ни междисциплинарный подход не сближают позиции различных лингвистических школ (п. 4, 5). В заключительной части статьи (п. 6) обсуждаются а) причины кризиса и б) возможный выход из него – формирование единой (синтетической) теории, учитывающей совокупность наиболее существенных свойств языка (они перечисляются) и способной благодаря этому обеспечить консенсус в лингвистическом сообществе.

The article discusses a characteristic feature of modern theoretical linguistics: simultaneous existence and independent development of a number of contradictory linguistic theories. We illustrate this thesis by juxtaposing the theories of N. Chomsky, R. Jackendoff, I. Mel'čuk, A. Wierzbicka, J. Lakoff and others. This analysis reveals their antagonism in different aspects: in relation to the role of language in cognition, the modular character of language, the structure of expressions, the nature of linguistic meanings etc. (sections 1 and 2 of the article). A similar picture can be observed if we compare the descriptions of the main components of the language – lexis, grammar and interface, which links them (section 3). We also show that the explosion of the whole number of incompatible linguistic theories in the second half of the 20th century attests to the growing crisis of theoretical linguistics. However, neither scientific discussions, nor the application of the methodology proper to the Natural Sciences, nor the interdisciplinary approach can bring together the positions of different linguistic schools (sections 4, 5). In conclusion (section 6), we: (a) discuss the reasons of the crisis; (b) offer a possible solution by setting forth a general (synthetic) theory, which takes into account the totality of the most important language properties (which are listed) and, hence, is capable of assuring the consensus in the linguistic community.

Ключевые слова: теория языка, антагонизм языковых концепций, кризис лингвистики, лингвистика XX в., единая теория языка, диахрония, лексическая семантика, многозначность, нейросемантика.

Key words: linguistic theory, antagonism of linguistic frameworks, crisis of linguistics, linguistics of the XX century, general linguistic theory, diachrony, lexical semantics, lexical polysemy, neurosemantics.

1. Множество альтернативных концепций языка

Если окинуть единым взглядом всю совокупность современных исследований языка как целостного явления, перед нами открывается в известной мере парадоксальная картина. Вместо одной или по крайней мере двух конкурирующих друг с другом теорий языка (или, говоря шире, лингвистических концепций, школ) мы обнаружим целый ряд *противоречащих друг другу* теорий: Н. Хом-

ского, Р. Джекендоффа, И.А. Мельчука, Дж. Лакоффа, Т. Гивона, А. Вежбицкой, Р. Лангакера, Ч. Филлмора (“грамматика конструкций”) и др. Причина в том, что вновь создаваемая концепция не сменяет какую-либо из уже существующих как более адекватная, а, напротив, начинает сосуществовать совместно с прежними концепциями.

Конечно, многие лингвистические школы ушли в область истории науки. Мы не встретим частых ссылок на теории Г. Пауля, К. Бюлера, Л. Блум-

филда и других лингвистов прошлого. Однако уходящие теории утрачивают свою актуальность не потому, что вновь появившиеся доктрины доказали их ошибочность или недостаточность в том или ином отношении. Они просто забываются, оттесняются на второй план более “современными” подходами¹.

Пожалуй, одним из первых на эту особенность лингвистики XX века обратил внимание А. Мейе. Еще в 1928 г. он писал: “В то время как историческое языкознание имеет точные методы, апробированные длительным использованием, общее языкознание пока не определилось со своим подходом, оно пока еще тяготеет к философии: каждый автор избирает свой собственный путь исследований и, как представляется, существует столько же общих языкознаний, сколько и лингвистов. По мере развития общего языкознания оно должно будет становиться более объективным, а его методология – более устоявшейся” [1, с. 29].

Как мы теперь знаем, пожелание выдающегося лингвиста пока так и не осуществилось, хотя с тех пор прошло уже почти девяносто лет. “Философии” в общем языкознании не убавилось, а его методы не стали более общезначимыми. В связи с этим приведем мнение Р.О. Якобсона. Вот что он писал в 1970 г.: “На первый взгляд кажется, что современная лингвистическая теория представляет собой поразительное разнообразие противоречащих друг другу доктрин... И все же внимательное, непредубежденное рассмотрение всех этих ограниченных доктрин и жарких споров выявляет общую основу... Подобно тому, как общая топология служит основой и задает направление для целого ряда математических исследований, разнообразие лингвистических подходов отражает лишь многообразие *взаимно дополняющих* аспектов” ([2, с. 404–405]; курсив наш. – А.К.).

По мнению Р. Якобсона, единство разнообразным лингвистическим теориям придает “кардинальный принцип структурного подхода к языку, разделяемый всеми направлениями лингвистики”, поэтому “исследование языковой структуры

является основной задачей всех направлений современной лингвистики” [2, с. 404–405]. Сейчас, однако, вряд ли кто-либо будет отстаивать данный тезис. Уже не бесспорный и в то время он позднее полностью утратил адекватность².

Что же касается теоретической лингвистики конца XX века, то в ней нет даже видимости единства, ср.:

«...общая теория языка, распавшись на множество конкурирующих теорий, не представляет собой такой системы, в которой имеется... общепризнанное ядро, составляющее “сухой остаток” всего того, что было накоплено в области теории и не подлежит пересмотру в ближайшем будущем» [4, с. 99].

“... если в математике или физике школы чаще всего находятся в отношении *дополнительности* (каждая более активно и глубоко исследует свою проблемную подобласть), то в лингвистике или психологии более типичны школы, для которых действительно отношение *оппозиции* (они занимаются одной и той же проблемной областью, но при разных исходных установках и/или разными методами)” [5, с. 57].

Если же говорить о настоящем времени, то можно констатировать, что количество оппозиционных друг другу концепций языка еще более возросло.

Многие ученые, вслед за А. Мейе и Р. Якобсоном, полагают, что теоретическая лингвистика, подобно всякой естественнонаучной (или близкой к ней) дисциплине, должна в конце концов выработать одну *доминирующую* теорию языка и соответственно одну научную парадигму. Надежду на это высказывали и А.Е. Кибрик: “на смену тенденции к специализации придет тенденция к интеграции” [4, с. 100], и В.Б. Касевич: “достижение согласия относительно основ нашей науки – дело будущего, в которое хотелось бы верить” [5, с. 68].

Вместе с тем далеко не все лингвисты разделяют данную позицию. Одни исследователи считают, что имеющиеся разногласия не носят антагонистического характера и потому могут быть преодолены умножением усилий, направленных на “интеграцию” различных позиций. К примеру, Т. Фитч, ссылаясь на известную притчу, уподобляет лингвистов людям, которые в темном сарае

¹ Характерно, что ни одна из новых концепций языка не стала преемственной в отношении трех указанных теорий. Иначе говоря, каждая новая концепция строит описание языка заново, т.е. создает свою собственную языковую парадигму. При этом нередко утрачиваются важнейшие достижения прежних теорий.

Например, некоторые результаты семантических исследований Г. Пауля и Л. Блумфилда, оставленные без внимания современными школами, продолжают многовековую лингвистическую традицию, идущую из античности, и представляют, на наш взгляд, непреходящую ценность.

² См. также статью [3, с. 144], содержащую обзор ряда работ по данной теме и ставящую своей целью “аргументировать мнение о том, что современную ситуацию в лингвистике отличает не только разнообразие взглядов... концепций, гипотез и теорий, но и некое внутреннее единство”.

ощупывают слона: “Один дотянулся до хобота и сказал, что это создание похоже на пожарный шланг. Другой стал ощупывать ухо и заявил, что он касается чего-то вроде опахала. Третий водил руками по ногам слона и решил, что они напоминают колонны. Еще один из любопытных похлопал животное по спине и остался в уверенности, что перед ним трон ... каждый исследователь обладает определенной истиной, но никому не удалось обрисовать общую, достаточно правдоподобную картину. Изучение языка требует интеграции взглядов на разные стороны явления, каждая из которых существенна, но недостаточна для формирования единого взгляда на происходящее” [6, с. 1].

Другие же лингвисты полагают, что “гуманитарные науки обречены на политеоретичность... Это означает... неизбежность многопарадигмальности теоретического языкознания” [7, с. 31–32]. Ср. также: “... в лингвистике (и вообще в гуманитарных науках) парадигмы не сменяют друг друга и не отрицают друг друга, но накладываются одна на другую, сосуществуют в одно и то же время, игнорируя друг друга” [8, с. 52].

В заключение отмечу, что я отношусь к сторонникам позиции А. Мейе и считаю, что множественность одновременно сосуществующих и противоречащих друг другу теорий языка – явление временное, не отвечающее онтологической сущности языка и указывающее на “болезнь роста” наших знаний о нем и той когнитивной среде, в которой он функционирует. Здесь, правда, нужно сделать одну оговорку. Я считаю, что язык не является модулем, т.е. специализированной подсистемой, порождающей фразы на основе исключительно своих внутренних данных. Напротив, он функционирует в тесном взаимодействии с другими человеческими подсистемами, прежде всего, с мышлением и представлением знаний. Поэтому в процессе построения единой теории языка необходимо существенным образом учитывать независимые данные и механизмы функционирования указанных подсистем. Это придаст теории языка столь необходимую ей “объективность”, независимость от точки зрения того или иного лингвиста-теоретика (см. далее – п.п. 5, 6).

Главная цель статьи – проанализировать масштабы и специфику теоретического антагонизма в лингвистике второй половины XX – начала XXI века и те последствия для процесса познания языка, к которым он приводит. В разные периоды истории лингвистики актуальность концептуальных противоречий была различной: в конце XIX в. практически все концепции языка находи-

лись в отношении дополнительности (А. Мейе). С известными оговорками это же можно констатировать и в середине XX в., когда “исследование языковой структуры” придавало единство разнообразию лингвистических подходов, “отражавшему лишь многообразие *взаимно дополняющих* аспектов” (Р. Якобсон).

Как будет показано далее, совершенно иная ситуация сложилась в последние десятилетия прошлого века. Характерной чертой современной лингвистики стало неуправляемое, ничем не сдерживаемое порождение новых концепций языка. Характерно при этом, что новые концепции не вступают в конкурентное соперничество с уже имеющимися, как это имеет место в естественных науках, а сосуществуют с ними так, как будто каждая из них описывает свой собственный аспект языка, а не язык как целостное явление. И последствия данного явления весьма пагубны: с одной стороны, неуклонно стремится к нулю число общепризнанных “принципов” описания языка, а с другой стороны, вместо единой системы знаний о языке формируется множество инкапсулированных локальных систем таких знаний, которые накапливаются в оппозиционных друг другу языковых парадигмах, подобных сотам в улье. Между тем глубина и масштабы этого процесса ускользают, на наш взгляд, от лингвистов-теоретиков, поскольку с позиции отдельного исследователя положение дел не выглядит столь удручающим. Ведь каждый исследователь видит лишь “свой кусочек” общей картины³. И на фоне впечатляющих достижений частных лингвистических исследований эти “локальные” противоречия вовсе не кажутся ему симптоматичными.

Ввиду сказанного, в ходе дальнейшего изложения мы будем строго различать две линии лингвистических исследований: 1) разработку новых подходов к изучению старых проблем – здесь-то и возникают новые альтернативные теории, и 2) все остальные виды исследований: развитие уже существующих концепций, экспансия лингвистики в новые области (лингвистика текста, нейролингвистика и др.) и пр.

³ И даже это происходит далеко не всегда. Будучи представителем определенной научной школы, лингвист обычно считает остальные концепции не альтернативными, а ложными. Кроме того, не всегда очевидна взаимная оппозиционность научных школ. Поэтому всякая новая теория, тематически не очень близкая лингвисту, обычно воспринимается им как расширяющая и дополняющая общий багаж лингвистических знаний. Впрочем, имеет место и встречная тенденция: делать вывод о несовместимости различных точек зрения без достаточных на то оснований – см., к примеру, поучительный разбор оппозиционных положений генеративизма и функционализма в статье [9].

В центре нашего внимания будет именно первое направление. Как мы постараемся показать, в его рамках нет ни естественного, казалось бы, процесса углубления и обобщения какой-либо одной уже существующей теории языка, как было, скажем, в физике, когда специальная теория относительности Эйнштейна включила классическую механику Ньютона как частный случай, относящийся к движению больших масс с небольшими скоростями; ни замены старой теории на новую, обладающую большей объяснительной силой (как, например, замена в эволюционной биологии теории Ламарка на теорию Дарвина, в астрономии – теории Птолемея на теорию Коперника, а в химии – теории флогистона на кислородную теорию Лавуазье); ни, наконец, острого соперничества между антагонистическими теориями (обусловленного убеждением исследователей, что истинной может быть только одна теория), как это имеет место в современной физике, в которой одновременно сосуществует несколько альтернативных концепций общей теории поля. Вместо этого наблюдается ничем не ограниченный рост количества оппозиционных друг другу теорий языка – или же какой-то его составляющей (синтаксиса, лексической семантики и др.). Сказанное, коротко говоря, означает, что в процессе роста общетеоретических исследований наши научные знания о языке становятся, с одной стороны, все более и более обширными и разносторонними, а с другой стороны, все менее и менее глубокими и бесспорными.

2. Сопоставительный анализ некоторых альтернативных концепций языка

1. О концепции Ф. де Соссюра. Иллюстрацию изложенной выше точки зрения естественно начать с анализа концепции Ф. де Соссюра, поскольку она является “отправной точкой новой эры в науке о языке” [2, с. 409]. Для нас она также будет служить своеобразной точкой отсчета при анализе ряда последующих лингвистических концепций: Н. Хомского, Р. Джекендоффа, И. Мельчука, А. Вежбицкой и Дж. Лакоффа. Следует сразу оговориться: антагонизм между такими общими направлениями исследования языка, как генеративизм и функционализм (или близкий к нему когнитивизм), широко известен и не требует дополнительных пояснений (даже при том, что в ряде подходов некоторые черты этих направлений объединяются). Мы, однако, покажем, что взаимная оппозиционность присуща и гораздо более близким теориям: Хомского и Джекендоффа (генеративизм), Мельчука и Вежбицкой (семанти-

ческий атоанизм – сведение языкового значения к набору семантических примитивов) и др. Как мы убедимся, ни одна из перечисленных теорий не находится в отношении *дополнительности* к остальным, поскольку все они опираются на различные, часто несовместимые исходные постулаты. И это при том, что теории Хомского и Джекендоффа представляют генеративную лингвистику, а теория Мельчука, не будучи генеративистской, весьма близка к ним идейно и структурно. В то же время общностью семантических методов описания лексики теория Мельчука и ее версия, развиваемая в Московской семантической школе [10], тесно связаны с концепцией А. Вежбицкой, а последнюю роднит с концепцией Дж. Лакоффа когнитивный подход к семантике.

2. О роли языка в мышлении. Рассмотрим важнейший для теоретической лингвистики вопрос о роли языка в мышлении. Сводятся ли основные функции языка к сугубо коммуникативным задачам – или они включают также и мыслеобразование? Свойственно ли языку полноценно участвовать в формировании мысли, содержащейся в высказывании (фразе языка) – или же он служит только инструментом передачи мысли? На этот вопрос упомянутые теории отвечают по-разному. Концепция Ф. де Соссюра трактует язык как инструмент мышления и утверждает, что вне языка мышления не существует. Теория Н. Хомского видит в языке инструмент формирования общей структуры высказывания, а его конкретное смысловое наполнение оставляет за внеположными языку механизмами мышления. Наконец, теории Р. Джекендоффа и И.А. Мельчука трактуют язык исключительно как средство коммуникации – перевода в языковую форму мысли, сформированной мышлением человека. Однако и между двумя последними теориями имеется существенное различие (о чем речь пойдет далее).

Рассмотрим этот вопрос более подробно. Согласно Ф. де Соссюру, язык – основной инструмент мышления, и мысль целиком и полностью формируется при его участии (поскольку вне языка мышления нет). В самом деле, теория Ф. де Соссюра исходит из гипотезы первичности родного языка человека и вторичности, производности от него концептов – единиц мышления: “В психологическом отношении наше мышление, если отвлечься от выражения его словами, представляет собой аморфную, нерасчлененную массу ... без помощи знаков мы не могли бы с достаточной ясностью и постоянством отличать одно понятие от другого. Взятое само по себе, мышление похоже на туманность, где ничто четко не разграничено. Предустановленных понятий

нет, равным образом как нет никаких различий до появления языка. Специфическая роль языка в отношении мысли заключается не в создании материальных звуковых средств для выражения понятий, а в том, чтобы служить посредствующим звеном между мыслью и звуком... Мысль, хаотичная по своей природе, по необходимости уточняется, расчлняясь на части” [11, с. 144].

Таким образом, первичная категоризация воспринимаемого человеком мира на предметы, действия и отношения не обусловлена ни когнитивно, ни генетически. Она есть продукт усвоения человеком родного языка, результат проекции его системы значений на “аморфное” мышление (в формулировке Б. Уорфа сказано еще резче: “калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован... в основном языковой системой” [12, с. 97])⁴.

Понятно, что при такой трактовке функции языка роль внеязыкового мышления (как самостоятельной процедуры) резко сужается, поскольку и составляющие мысль понятия, и их структуры сводятся к языковым значениям и синтаксическим структурам языка. Для уровня когнитивных концептов, внеположных языковым значениям, и когнитивной семантике, трактующей значения слов и предложений как формулы на абстрактном языке мышления (Р. Джекендофф, С. Пинкер), в этой схеме просто нет места.

Обратимся теперь к подходу Н. Хомского. Согласно его теории принципов и параметров, языком (точнее “внутренним языком”, или грамматикой) называется “вычислительная система, часть мышления (механизмов мозга)”, которая порождает “неограниченное множество структурно организованных выражений” из абстрактных “слов” специального лексикона («концептуальных или лексических “атомов”») [15, с. 45].

Абстрактные “слова” суть наборы фонологических, синтаксических и некоторых семантических признаков. Из них и составляются синтаксические выражения. Однако использование этих выражений “для мышления, понимания и

организации деятельности” обеспечивается специальным “семантико-прагматическим” интерфейсом. Он преобразует каждое такое выражение в логическую форму (Logical Form) – более семантизированное выражение того же типа (в нем синтаксические отношения между составляющими точнее соответствуют семантическим отношениям между ними), пригодное для семантико-прагматических интерпретаций механизмами мышления человека⁵. Одновременно и аналогичным путем – посредством другого, сенсомоторного интерфейса – это же выражение преобразуется в фонологическую форму (Phonological Form) и связывается с акустическими и артикуляционными механизмами. При этом сами интерфейсы, связывающие порожденное выражение с указанными механизмами, к языку не относятся. Тем самым язык, по Хомскому, представляет собой “внутреннюю систему, которая соединяет звук и значение особым образом, посредством порожденных выражений” [15, с. 46].

Понятно, что при таком определении языка его роль в мышлении, хотя и не столь всеобъемлюща, как у Ф. де Соссюра, но по-прежнему весьма велика, поскольку комбинаторные формы мысли (= структуры концептов) предопределяются абстрактными синтаксическими выражениями⁶. На долю же внеязыкового мышления приходится лишь конкретизация этих абстрактных форм мысли – заполнение их конкретными смыслами. Иначе говоря, если у Соссюра мышление человека целиком определяется языком, то у Хомского – только частично. Таким образом, по Хомскому, хотя язык, будучи автономной системой, и не несет, строго говоря, никакой присущей ему функции, он используется человеком как инструмент

⁴ Эта трактовка роли языка в мышлении получила название “лингвистического детерминизма”. Ср.: “Согласно лингвистическому детерминизму язык, на котором мы говорим, и есть язык мысли или, по крайней мере, он в основных чертах структурирует наше мышление” ([13, с. 125]. С. Пинкер дает убедительный критический анализ данной трактовки [13, с. 124–151], см. также [14, с. 45–70], считая ее источником гипотезу Сепира-Уорфа (в ее сильном варианте: “язык обуславливает мышление”). Разделяя позицию Пинкера, я хотел бы лишь заметить, что лингвистический детерминизм в полной мере присущ уже концепции Ф. де Соссюра.

⁵ По мысли Н. Хомского, порождение синтаксических выражений обусловлено внутрилингвистическими причинами и не нацелено на осуществление каких-либо функций. Каким образом эти высказывания используются далее человеком – это предмет не теории языка, а теории использования языка (performance). В.А. Плунгян представил этот аспект теории Н. Хомского следующей наглядной метафорой: «Язык мыслится неким подобием машины по производству пустых бутылок (пусть очень сложной формы и очень многих типов, но дело не в этом); если потом в бутылку для “Пепси-колы” будут наливать бензин, это... никакого отношения к заводу-изготовителю не имеет. Завод следит, чтобы цвет стекол и форма доннышка соответствовали инструкции, за все остальное он нести ответственности не может» [16, с. 51].

⁶ Согласно статье М. Хаузера, Н. Хомского и В. Фитча [17, с. 1573] “вычислительный механизм рекурсии... является уникальным для нашего вида”, а рекурсивная синтаксическая структура, выражающая соответствующую структуру мысли, специфична для человеческого языка.

мышления, но совместно с сугубо мыслительными механизмами.

Р. Джекендофф, оставаясь в рамках генеративизма, тоже определяет язык как вычислительную систему, порождающую выражения из тех же абстрактных “слов” (см. выше) [18, с. 67]. Однако формируемое этой моделью выражение не однослойно, а трехслойно и представляет собой “параллельную архитектуру” из трех структур: фонологической, синтаксической и “семантической / концептуальной”, каждая из которых формируется своим порождающим модулем и связывается с двумя другими “при помощи правил интерфейса” [19, с. 49].

Как подчеркивает Р. Джекендофф, семантический / концептуальный компонент, будучи независимым от синтаксического, принадлежит как языку, так и мышлению. Следовательно, мысль (“алгебраическая формула”, “структура” концептов) целиком и полностью формируется механизмами мышления, а язык выполняет лишь коммуникативную функцию, воплощая эту (уже готовую) мысль в языковую фразу, ср.: “According to the mentalist stance, the basic function of language is to convert thoughts into communicable form” [19, с. 69].

Тем самым языку отводится чисто коммуникативная, “переводческая” функция: сначала мышлением формируется невербальная концептуальная мысль, а затем включается язык, чтобы построить трехуровневую (фонология, синтаксис и семантика) фразу, выражающую эту мысль.

Следует заметить, что Н. Хомский специально предостерегает против коммуникативной трактовки назначения языка: “Ошибочно представлять использование языка человеком как сугубо информативное, в действительности или в намерении...” [20, с. 88]. Эта точка зрения повторялась Н. Хомским и позднее [21, с. 230].

Возражая Н. Хомскому, Р. Джекендофф пишет: «Вопреки здравому смыслу Хомский часто утверждал, что язык не предназначен “для” коммуникации ... По непонятным мне причинам он, похоже, считает, что изначальное назначение языка – способствовать мышлению ... По крайней мере, в одной из последних работ... и в дискуссии на конференции весной 2002 года он обосновывал это свое убеждение тем, что язык большей частью используется для внутренней речи. Удивительно, что он попал в ловушку..., полагая, что внутренняя речь *и есть* мысль, а не фонологическая структура, соответствующая мысли (как я буду утверждать)» ([19, с. 70 (примеч. 13)].

Об оппозиционности своей теории к теории Н. Хомского Р. Джекендофф пишет и при обсуждении эволюции языка, см. [18, с. 68]. (В п.п. 3.4 “Глоттогенез” мы кратко обсуждаем этот вопрос).

Разработанная И.А. Мельчуком (с соавторами) “Теория Смысл–Текст, а точнее: методологический подход к языку... основывается на трёх постулатах”. Первый из них таков: “Язык – это конечная система правил, задающая... соответствие между... множеством языковых смыслов и... множеством текстов”, или множеством фраз данного языка [22, с. 21]. Иначе говоря, язык – это соответствие: {языковые смыслы} $\Leftrightarrow$ {фразы языка}, указывающее, с одной стороны, какие фразы выражают заданный языковой смысл (в идеале требуется построить все синонимичные фразы с этим смыслом), а с другой стороны, какой языковой смысл (или какие смыслы, если их несколько) выражает заданная фраза языка. Основным инструментом описания языка, т.е. данного соответствия, и является модель Смысл–Текст (постулат 2) [22, с. 22].

Будучи структурно сходной с моделью Р. Джекендоффа, модель И.А. Мельчука имеет целый ряд существенных отличий. Во-первых, она не порождающая, а преобразующая (“переводная”). Вычислительные системы Н. Хомского и Р. Джекендоффа не используют какой-либо входной информации при образовании выражений. Модель Смысл–Текст, напротив, преобразует языковой смысл, получаемый от интерфейса “Концепт – Языковой Смысл”, в воплощающую этот смысл фразу (или множество всех синонимичных фраз). Во-вторых, если модель Р. Джекендоффа через свой семантический / концептуальный компонент непосредственно связана с концептуальным уровнем, то модель Смысл–Текст строго отделена от него и от интерфейса Концепт – Языковой Смысл. По убеждению И.А. Мельчука, сущность языка заключается в построении фраз, адекватно выражающих не универсальный смысл (невербальную структуру концептов), а смысл сугубо языковой, т.е. **лингвоспецифичный** [22, с. 27, 29, 39]. Поэтому сначала (на предварительном этапе формирования фразы) невербальная концептуальная структура (мысль) преобразуется интерфейсом в языковой смысл, отражающий специфику конкретного языка, а затем вступает в работу модель Смысл–Текст, которая и переводит полученный языковой смысл во фразу этого языка. Подчеркнем: в отличие от моделей Н. Хомского и Р. Джекендоффа, на выходе модели Смысл–Текст появляется не абстрактное языковое выражение, а конкретная фраза (или множество синонимичных фраз) языка. Таким образом, модель И.А. Мельчу-

ка еще дальше отстоит он механизмов мышления, чем модель Р. Джекендоффа.

Как мы видим, в понимании роли языка в мышлении все три модели языка оппозиционны концепции Ф. де Соссюра и альтернативны друг другу. Эти модели базируются на различных принципах, работают существенно различным образом и дают на выходе типологически разные выражения языка: у Н. Хомского это абстрактные синтаксические выражения, не наполненные конкретными смыслами, у Р. Джекендоффа – они уже наполнены конкретными, но универсальными смыслами (концептуальными структурами), а у И.А. Мельчука – это уже не абстрактные выражения, а фразы конкретного языка с их лингвоспецифичными смыслами.

Отметим, что всем этим теориям языка противостоят функциональные концепции языка, например “грамматика конструкций” (construction grammar) [23; 24; 25]. Ее центральным элементом является языковая конструкция, рассматриваемая как целостная единица, формальные и содержательные свойства которой не сводятся к свойствам составляющих ее компонентов (это условные, сравнительные, противительные и др. конструкции). Подробнее об этом см. в [26].

3. Является ли язык автономным модулем (“когнитивным органом”)? Этот вопрос разделяет лингвистические теории на два антагонистических лагеря. Положительный ответ на него дают генеративные теории, а также теория И.А. Мельчука. Отрицательный – функциональные теории (Т. Гивон, А.Е. Кибрик, Ч. Филмор, А. Голдберг и др.), исходящие из постулата обусловленности фундаментальных характеристик языка его функциями (мыслительной, коммуникативной и др.), и когнитивные теории языка, постулирующие использование языком общих с мышлением и другими когнитивными механизмами концептуальных знаний: базовых концептов, универсальных концептуальных схем и др.

Вот что писал по этому поводу Дж. Лакофф, противопоставляя свой когнитивный подход теориям языка, трактующим его как “модульную” (или “модулярную”) систему: «Одно из принципиальных утверждений данной книги заключается в том, что язык использует общий (выполняющий и другие, неязыковые функции. – А.К.) когнитивный аппарат... Фактически большая часть широко распространенных подходов к языку как в лингвистике, так и в философии основывается на противоположной предпосылке: язык является отдельной “модульной” системой, *независимой* от всего остального познания. Независимость

грамматики от всего остального массива знаний является, возможно, наиболее фундаментальной предпосылкой, на которой основывается теория языка Ноама Хомского...» [27, с. 86–87].

Вообще, круг противников трактовки языка как самостоятельного модуля (или “ментального органа”) весьма широк и включает представителей разных научных направлений (см., например, статью Э. Бейтс [28]).

О других оппозициях в “базисных посылках” когнитивной лингвистики (теорий Дж. Лакоффа, Р. Лангакера и Р. Джекендоффа) и “традиционной объективистской семантики” см. статью А. Ченки [29].

4. О других оппозиционных положениях рассматриваемых теорий. Существенные противоречия наблюдаются между лингвистическими концепциями и по другим важным вопросам. Функциональная модель И.А. Мельчука, разделяющая с порождающей моделью Н. Хомского идею модульности языка, радикально отличается от последней по некоторым фундаментальным решениям. Хомский при описании синтаксиса фразы использует структуру составляющих, а Мельчук – структуру зависимостей (и, по мнению Мельчука, это различие – принципиальное, см. [22; 30]). В отличие от модели Хомского, в модели Смысл–Текст семантика конкретных лексем играет важнейшую роль.

Семантическая концепция А. Вежбицкой весьма близка к подходу И.А. Мельчука в отношении семантических описаний (толкование языковых значений посредством “семантического метаязыка” – словаря семантических примитивов и набора простейших синтаксических конструкций). Эта концепция создавалась в тесной связи с более ранней концепцией Мельчука и его коллег. Однако она не состоит в отношении преемственности или дополнительности к ней. Так, если в последней “семантический метаязык”, используемый для описания языковых значений, лингвоспецифичен, т.е. свой особый для каждого естественного языка, то в теории А. Вежбицкой аналогичный “естественный семантический метаязык” (ЕСМ) уже универсален. По мысли Вежбицкой, семантические примитивы ЕСМ суть “воплощения” (т.е. “лексикализации”) в каждом языке фундаментальных человеческих концептов – простейших врожденных понятий, присутствующих всем людям независимо от их этнической и языковой принадлежности, а синтаксические конструкции ЕСМ – шаблоны естественных комбинаций этих концептов [31, с. 16–17, 25]. Поэтому толкования языковых значений посредством

ЕСМ представляют собой универсальные, а не лингвоспецифичные, как у Мельчука, выражения. Это и некоторые другие различия (А. Вежбицкая посредством своего ЕСМ описывает семантику частей речи, а И.А. Мельчук считает, что никакой семантики части речи не имеют, и др.) порождает несовместимость соответствующих моделей языка.

Не менее фундаментальное противостояние разделяет семантические концепции И.А. Мельчука и А. Вежбицкой, с одной стороны, и Дж. Лакоффа – с другой. Во-первых, Лакофф отвергает “атомистический” подход к описанию лексических значений: «Мысль имеет свойства гештальта и, таким образом, не атомистична: понятия имеют целостную структуру, которая не сводится к простому объединению понятийных “строительных блоков” посредством общих правил» [27, с. 13]. А это означает, что никакого “естественного семантического метаязыка”, по его мнению, быть не может.

Во-вторых, Дж. Лакофф, вслед за Э. Рош и рядом других ученых, утверждает, что категории действительности, задаваемые, в частности, знаменательными словами типа *птица, лодка, чашка, холостяк, мать, игра, здоровый, взбираться* и др., имеют прототипическую природу: в их основе лежат “телесно воплощенные” базовые концепты [32, с. 456]. А потому и эти категории, и задающие их языковые значения являются принципиально нечеткими (“радиальными”) [32, с. 19–99]. В противовес этому тезису, А. Вежбицкая дает семантический анализ перечисленных слов, призванный показать, что толкования, согласно которым лексические значения этих слов задают прототипические классы референтов, ошибочны и без особого труда могут быть заменены строгими дефинициями [33, с. 92, 108–115].

Заключая этот раздел, заметим, что обсуждавшиеся выше противоречия, конечно же, не составляют сколько-нибудь законченной картины. В действительности их гораздо больше. Во-первых, мы привели лишь наиболее фундаментальные из всего списка известных нам противоречий. Во-вторых, наш список заведомо не полон.

Вернемся теперь к притче о слоне (см. начало п. 1), к которой прибегает Т. Фитч для обоснования своей надежды на интеграцию различных позиций. Очевидно, более подходящей здесь будет несколько иная притча: в темном сарае находится не один слон, символизирующий человеческий язык, а много разных животных: слон, бегемот, жираф и др., символизирующих различные модели человеческого языка. И люди, находящиеся в

сарая, ощупывают этих животных: один – слона, другой – жирафа и т.д., думая, что в сарае одно животное. Понятно, что в таком случае надежда на объединение их описаний в единую картину исчезающе мала.

3. Противоречивость в описаниях отдельных проблем лингвистики

1. Несовместимость семантических теорий.

Рассмотрим сначала два подхода к описанию лексической полисемии. В соответствии с давней лексикологической традицией, во множестве значений знаменательного слова выделяется основное (прямое) значение и метафорические и метонимические значения, рожденные из него посредством одноименных семантических механизмов⁷. Это – производные или переносные значения слова.

При таком подходе основное значение слова генетически первично и типологически отличается от производных значений. Например, у слова *цель* толковые словари выделяют три значения: 1. ‘мишень – объект для попадания при стрельбе или метании’ (основное); 2. ‘мушка – небольшой выступ на конце ружейного ствола, используемый для прицеливания’ (производное, метонимия); 3. ‘планируемый результат – то, чего человек хочет добиться’ (производное, метафора). По выражению акад. В.В. Виноградова, основное значение дает целостное описание “кусочка действительности” [34, с. 163], а производные значения – это метафоры и метонимии, которые “отпочковываются” от него, как стволы куста из единого корня (мы берем здесь простейший, радиальный случай), подробнее об этом см. [35; 36].

Согласно традиционному подходу основное значение слова уникально и не может произвольно заменяться каким-либо производным значением. Например, для слова *цель* нельзя в качестве основного значения выбрать значение ‘мушка’, потому что оно описывает объект не сам по себе, а относительно другого объекта – мишени (это классическая метонимия – перенос значения по

⁷ Эта систематика лексических значений, идущая от Аристотеля, изучалась в средневековье (Ансельм Кентерберийский и др.), в лингвистических исследованиях А.С. Шишкова, младограмматиков (Г. Пауль) и лингвистов XX века. С середины 1930-х годов сходная систематика значений слова разрабатывалась Р. Якобсоном и Е. Куриловичем, а в 1950-х годах – В. В. Виноградовым. Позднее эта лексикографическая концепция нашла продолжение в трудах Д.Н. Шмелева и Дж. Лакоффа [38; 39; 40].

смежности). Поэтому в традиционных толковых словарях первым дается основное значение слова, а за ним – производные значения, часто в порядке уменьшения их частотности и с пометами: метафора, метонимия и др.

Между тем во многих современных толковых словарях, например в словаре [37], принят совершенно иной принцип: первым дается наиболее частотное значение, а далее все остальные значения, в порядке убывания их частотности и без какого-либо выделения среди них основного значения.

Сходный подход принят и в Московской семантической школе (МСШ), где все значения слова признаются однородными и генетически неразличимыми. В связи с этим основное значение определяется не содержательно, а статистически – как наиболее “актуальное, разработанное в данном языке”. Ср.: «У слова ЦЕЛЬ в большинстве толковых словарей русского языка первым дается значение ‘мишень, то, во что человек хочет попасть из какого-то оружия’, а вторым – ‘то, чего человек хочет добиться’. Однако... безусловное преимущество в современном языке имеет второе значение (оно наиболее “актуально”. – А.К.), и в активном словаре именно ему отдается первое место⁸. За основной лексемой следуют другие лексемы слова (с другими значениями. – А.К.) с учетом их семантической близости к основной лексеме и друг к другу» [41, с. 72].

Как мы видим, в подходе МСШ традиционная система описания лексической многозначности и традиционная терминология изменяются самым радикальным образом⁹. Основным объявляется наиболее “разработанное в языке” значение (оно обычно и самое частотное), хотя в данном случае оно и метафорическое, и абстрактное. А связи остальных значений с ним (и друг с другом) определяются только степенью их семантической близости. Метафорические и метонимические связи между значениями слова во внимание не принимаются. Налицо очевидная несовместимость подходов.

Отметим еще две оппозиционные друг другу теории семантики, проанализированные в монографии [13, с. 92–124]. Первая из них – “экстремальный нативизм”, развиваемая Дж. Фодором (ее в

известной мере разделяет и Н. Хомский), исходит из гипотезы о том, что хранящиеся в памяти носителя языка “пятьдесят тысяч” лексических значений, «включая “тромбон” и “карбюратор”, являются врожденными» [13, с. 95]), в том смысле, что их формирование предопределено когнитивным развитием человека, а конкретный состав стимулируется соответствующими реалиями окружающей действительности. Эти понятия-значения дискретны, целостны, нечленимы и потому не допускают определения посредством некоторого набора простейших, “атомарных” единиц (в этом вопросе генеративизм и когнитивизм сходятся).

Полной противоположностью “экстремальному нативизму” является “радикальная прагматика”. Согласно этой теории, поддерживаемой лингвистом Дж. Нанбергом (G. Nunberg), нейролингвистом Э. Бейтс и др., у слова вообще нет какого-то строго фиксированного значения, хранящегося в памяти носителя языка. То, что принято называть значением слова, представляет собой набор ассоциативных связей между стереотипными событиями и их типичными участниками. Поэтому, скажем, объяснение лексической полисемии не представляет для этой теории никакой проблемы: в соответствии с текущим употреблением актуализируются подходящие ассоциативные связи и “значение” слова “растягивается” или, напротив, “сжимается”, выражая подразумеваемый говорящим и реконструируемый слушающим аспект действительности.

Понятно, что антагонизм данных теорий также непреодолим.

2. Противоречия в описании “семантико-синтаксического интерфейса”. Коснемся еще одной, весьма актуальной в настоящее время проблемы теоретической лингвистики: разделения семантико-синтаксической информации между лексикой (словарем) и грамматикой. И здесь, как мы сейчас увидим, наблюдается та же картина: одновременное сосуществование множества несовместимых теорий.

Выше мы уже упоминали о двух основных компонентах языка: словаре и грамматике. Естественно, что описания этих компонентов должны быть согласованы между собой, а лингвистическая информация разумно распределена между ними. И поскольку последовательное решение этой далеко не простой задачи возможно только в рамках некоторой общей теории языка, естественно ожидать, что таких решений будет, по крайней мере, несколько (не меньше количества теорий языка). Например, решение, предлагаемое в теории МСШ, нацелено на реализацию ее глав-

⁸ Аналогичным образом, в словарной статье слова *target* словаря [37, с. 1803] значение “≈ мишень” помещено (в соответствии с его частотностью) на четвертое место.

⁹ Традиционная концепция отвергается и другими современными семантическими теориями, см., например, критику семантического подхода Л. Блумфильда в работе А. Вежбицкой [31, с. 3–6].

ного тезиса: принципа интегральности описания, призванного обеспечить “правильное употребление любой единицы языка в тексте или речи” [10, с. 103]. Для достижения этой цели, с одной стороны, приходится при “настройке грамматики на словарь... во многих случаях включать в правила информацию о конкретных лексемах”. С другой стороны, “настройка словаря на грамматику часто ... требует включения правил непосредственно в словарь” [10, с. 103].

Как отмечается в обзоре двух сборников статей, вышедших в 2004 и 2005 годах¹⁰ в Oxford University Press в серии “Оксфордские исследования по теоретической лингвистике”, “разграничение полномочий” между грамматикой и словарем проводится разными исследователями существенно различным образом. При этом в отношении первого сборника, содержащего более десятка работ, рецензент отмечает, что “среди авторов статей практически нет согласия по ряду важнейших вопросов; в частности, предлагаемые в разных статьях и – в пределах каждой отдельной статьи, – как правило, представляющиеся убедительными синтаксические механизмы описания неаккузативности при сравнении их друг с другом оказываются если не взаимопротиворечащими, то по крайней мере не сводимыми один к другому очевидным образом” [42, с. 124]. Сходный вывод делается и в отношении второго сборника, объединившего “исследования, написанные в рамках разных (порой явным образом противоречащих друг другу) теоретических направлений” [42, с. 132].

3. Онтолингвистика. Одной из важнейших проблем теоретической лингвистики Н. Хомский считает “выявление специфической природы” языковой способности человека [43, с. 1]. Прежде всего это касается объяснения загадочной легкости, с которой ребенок удивительно быстро – за несколько первых лет жизни – овладевает всеми основными средствами родного языка. Указывая на “бедность языкового стимула” (“poverty of the stimulus argument”) – фрагментарность, бессистемность, а иногда и неправильность звучащей в окружении ребенка речи, Хомский заявляет, что столь быстрый “рост” детского языка нельзя объяснить без предположения о наличии у ребенка

априорных, или врожденных, языковых знаний (он называет их по-разному: “универсальная грамматика”, “генетический дар” и т.п. [44, с. 1]). Эту точку зрения разделяют многие генеративисты: С. Пинкер, называющий эти знания “языковым инстинктом” [14], Р. Джекендофф (“механизм усвоения языка” [18, с. 63]) и др.

Однако далеко не все ученые присоединяются к данной гипотезе. М. Томаселло, опираясь на “грамматику конструкций”, развивает альтернативную теорию, согласно которой, в усвоении родного языка главным для ребенка является не генетический, а обучающий фактор (“usage-based theory of language acquisition”) [26, с. 307–312] (см. также [45]). Промежуточную позицию занимают А. Голдберг и Э. Бейтс, считающие, что у ребенка “нет ничего врожденного, что было бы *уникальным* именно для языка”: «Доводы в пользу гипотезы о врожденности весьма основательны, но трудно найти данные в пользу концепции узкоспециализированного “ментального органа” (“mental organ”)». Напротив, создается впечатление, что усвоение ребенком родного языка опирается на пластичное сочетание нейронных систем, которые используются также и для других функций» [28, с. 146].

4. Глоттогенез. Колоссальный разрыв, существующий между системами коммуникации животных и человеческим языком, дает основания для самых смелых фантазий. Касаясь многообразия теорий происхождения и эволюции языка, Д. Бикертон обращает внимание на “*поражающее отсутствие консенсуса и несовместимость различных подходов, с которыми исследователи сталкиваются на почве языковой эволюции*” (курсив наш. – А.К.) [46, с. 524]; см. также [47, с. 6, 401–507; 48, с. 4].

Мы рассмотрим здесь лишь вопрос о постепенности vs. скачкообразности языковой эволюции. По мнению одних ученых, указанный разрыв мог быть преодолен лишь “одномоментно”, одним скачком – так считали В. фон Гумбольдт, М. Мюллер и утверждает в настоящее время Н. Хомский [49, с. 308; 50, с. 270; 15, с. 59]. Логика Н. Хомского проста: специфичная для человеческого языка рекурсивная синтаксическая структура не может возникнуть в несколько шагов. Поэтому к формированию этого “когнитивного органа” теория естественного отбора неприменима. Другие ученые (Д. Бикертон, Р. Джекендофф), напротив, считают, что такой разрыв мог быть преодолен лишь поэтапно, через посредство протоязыка – знаковой коммуникативной системы, занимаю-

¹⁰ The unaccusativity puzzle. Explorations of syntax-lexicon interface / Ed. by A. Alexiadou, E. Anagnostopoulou, M. Everaert (Oxford studies in theoretical linguistics, 5). Oxford: Oxford University Press, 2004. x + 372 p.) и The syntax of aspect. Deriving thematic and aspectual interpretation / Ed. by N. Erteschik-Shir, T. Rapoport (Oxford studies in theoretical linguistics, 10). Oxford: Oxford University Press, 2005. xx + 309 p.).

щей промежуточное положение между сигнальными системами животных и языком человека.

Д. Бикертон – один из пионеров изучения проблемы протоязыка (см. [51; 52]) – утверждает, что человеческий язык появился в два этапа: сначала возник асинтаксический “лексический” протоязык, “слова” которого “нанизывались как бусины на нитку: А + В + С”, не объединяясь в синтаксическую структуру, а затем он трансформировался в полноценный человеческий язык (праязык), слова которого “образуют иерархическую структуру, похожую на дерево” [52, с. 206–207].

Наконец, развиваемая Р. Джекендоффом трехуровневая структура языка дает ему основание предполагать “разнообразные сценарии развития языковой способности” с постепенным увеличением “гибкости и эффективности системы коммуникации” [18, с. 71]. В самом деле, поскольку все три уровня фразовой структуры (фонология, синтаксис и семантика) независимы, вполне можно допустить первоначальное образование лишь двух из них: фонологического и семантического / концептуального. И тогда актуален сценарий, предлагаемый Д. Бикертоном: сначала возникает асинтаксический протоязык, а затем он обретает синтаксис, трансформируясь в полноценный человеческий язык. Более того, ввиду возможности постепенного усложнения этих первичных уровней, картина постепенной эволюции языка вполне отвечает дарвиновской теории.

Как мы видим, антагонизм общих теорий языка индуцирует несовместимость вытекающих из них теорий происхождения языка: в один скачок (Н. Хомский), в два скачка, через асинтаксический протоязык (Д. Бикертон) и постепенно – путем эволюционного развития протоязыка (Р. Джекендофф).

4. О бесплодности попыток достигнуть консенсуса

1. Непродуктивность научных дискуссий.

Если задаться вопросом: обозначаются ли какие-либо пути выхода из создавшейся ситуации, то наш ответ будет отрицательным. Прежде всего следует констатировать, что дискуссии, нередко возникающие между представителями различных научных школ, как правило, оказываются непродуктивными. Лингвисты разных школ часто просто не понимают (а иногда и не способны понять) друг друга. В самом деле, как пишет один из специалистов по теории синтаксиса, усилия, необходимые для усвоения вводного курса в минималистскую теорию Н. Хомского сопоставимы

с интеллектуальными усилиями и временными затратами на овладение “на приличном уровне арабским или санскритом” [53, с. 627]. Немалого труда стоит детальное постижение теории Смысл–Текст И.А. Мельчука. Но это лишь одна из причин, почему представители разных школ не способны преодолеть имеющиеся противоречия или хотя бы содействовать сближению этих школ. Другая, более важная причина – отсутствие общепризнанных критериев определения истинности тех или иных лингвистических постулатов.

В качестве примера бесплодности лингвистических споров можно привести широко известную дискуссию, вызванную статьей [54]. Ее авторы поставили своей целью доказать иллюзорность (недоказуемость или тривиальность) практически всех языковых универсалий (генеративной грамматики, школы Гринберга и др.). В приложениях к статье даны более двадцати комментариев к ее утверждениям представителей разных школ и направлений, а также ответы на них Н. Эванса и С. Левинсона. Насколько можно судить, никакого сближения позиций дискутирующих сторон достигнуто не было.

Другим подобным примером может служить известная дискуссия, порожденная статьей М. Хаузера, Н. Хомского и В. Фитча [17], см. отклики на нее [55; 52; 56; 57; 46; 58 и др.], а также вторую статью тех же авторов [59]. И здесь сближения точек зрения участников дискуссии не произошло.

Насколько можно судить, подобный итог имела и дискуссия, организованная 15 лет назад Ф. Ньюмейером, выпустившим затем два тома статей [60] (см. рецензию на это издание М. Хаспельмата [61])¹¹.

2. О неэффективности междисциплинарного подхода. Некоторые исследователи возлагают надежды на междисциплинарный подход. Увы, эти надежды также себя не оправдывают, поскольку теории, возникающие на стыке смежных дисциплин, зачастую наследуют старые проблемы, а иногда и создают новые.

Для иллюстрации высказанного тезиса рассмотрим две сравнительно новые области исследований: корпусную лингвистику и нейросемантику.

2.1. Корпусная лингвистика. Как только стали создаваться (в конце XX в.) языковые корпуса – электронные собрания текстов на данном языке, определенным образом размеченных для

¹¹ См. ссылку <http://wwwstaff.eva.mpg.de/~haspelmt/2000new.pdf>. Выражаю благодарность Я.Г. Тестельцу, обратившему мое внимание на это издание.

различных поисковых задач, сразу же стало формироваться новое направление в теоретической лингвистике – корпусные теории (или “текстовые модели”) языка. Это направление широко обсуждается и быстро завоевывает признание. В нем национальный корпус текстов и становится главным объектом исследования, поскольку в рамках корпусного подхода “языком называется то, как сделаны тексты”; ср.: «Мы наблюдаем тексты, но изучаем то, как они сделаны, это мы и называем языком <...> Новые теории языка, связанные с корпусом неразрывно, уже появляются, они называются “текстовые модели языка”, модели, ориентированные на узус» (В.А. Плунгян)¹².

Полезность корпусных данных уже признается рядом лингвистов [41, с. 37]¹³. Следует, однако, отдавать себе отчет в том, что корпус в полной мере наследует проблемы концептуального многообразия современной теоретической лингвистики. Ведь его “разметка” – это почти автоматическое (посредством компьютерных программ, под контролем человека) приписывание лексическим единицам каждой его фразы некоторых синтаксических и семантических признаков. В определенном синтаксически размеченном подкорпусе пользователь может получать синтаксическую структуру фразы. И понятно, что эта структура полностью определяется выбором той синтаксической теории, в соответствии с которой осуществлялась разметка корпуса. Но поскольку научных оснований для такого выбора нет, неизбежно появление корпусов с разными разметками. Ведь синтаксические теории антагонистичны друг другу и не допускают обобщения.

Более того, даже одно синтаксическое представление может порождать различные разметки. Так, на сайте testsynt.soiza.com размещен RSTB (RUSSIAN SYNTAX TREE BANK) – банк синтаксических деревьев. В нем “представлены результаты разбора 64 800 предложений (1 млн.

словоупотреблений) тремя автоматическими системами синтаксического анализа: SyntAtom, SemSin, Russian Malt... Все три системы используют синтаксическое представление в виде деревьев зависимостей. На сайте также представлено 800 предложений из этого корпуса, выбранных случайным образом и размеченных вручную” (курсив наш. – А.К.).

2.2. Нейросемантика. Появившаяся в самом конце XX в. теория зеркальных нейронов [62] почти сразу дала толчок нейробиологическим концепциям эволюции языка, его усвоения ребенком и пр., основанным на гипотезах этой теории о сенсомоторных механизмах человеческого восприятия [63; 64]. И уже появляются работы, объясняющие с помощью зеркальных нейронов понимание человеком глаголов, называющих простейшие действия типа *пнуть*, *лизнуть*, *подобрать*, *схватить* и под. (так называемая kick-lick-pick парадигма), см., например [65; 32].

Поясним этот подход в самом общем виде. В. Галлезе и Дж. Лакофф исходят из гипотезы, согласно которой концептуальное знание является телесно воплощенным. Более того, они утверждают, что тот же самый “невральный субстрат”, который используется для представления (*imagination*) движения, используется и для его понимания (осмысления). Эту мысль они поясняют на примере простого предложения *Гарри поднял стакан* /*Harry picked up the glass*: “Если вы не можете представить поднятие стакана или же то, как кто-то поднимает стакан, то вы не в состоянии понять это предложение. Наша гипотеза продвигает этот факт на шаг вперед. Мы считаем, что *понимание и есть представление (imagination) и то, что вы понимаете из предложения в данном контексте, и есть смысл (meaning) данного предложения в этом контексте*” [32, с. 456].

В статье [65] изучается следующий эффект: как только человек воспринимает (слышит или читает) слова типа *пнуть*, *лизнуть* или *поднять* (*kick*, *lick*, *pick*), в его мозгу моментально активируются зоны моторного представительства ноги, языка или руки, причем, соответствующая зона активизируется до того, как человек успевает осознать значение воспринятого слова. Этот эффект послужил основанием для следующей гипотезы: первичное понимание таких глаголов осуществляется на сенсомоторном уровне.

В конце статьи (с. 581) автор задается вопросом: сохраняется ли этот эффект, если глагол употребляется в идиоматических или метафорических выражениях, в которых “утрачена всякая связь с действием”? Гипотетический ответ на него дают

¹² Из публичной лекции “Почему современная лингвистика должна быть лингвистикой корпусов” (01.09.2009, <http://polit.ru/article/2009/10/23/corpus/>).

¹³ Нельзя при этом упускать из виду и критические соображения, в частности, тезис Н. Хомского о недоступности глубинных структур и их свойств прямому наблюдению, ср.: “Поверхностные формы сами по себе мало что говорят о структурах выражений и о возможностях их понимания... Именно поэтому... попытки оценить встречаемость того или иного явления в корпусе... ничего не дают для понимания существенных фактов... они несколько не приближают нас к решению основных вопросов изучения языка” [15, с. 48]. Заметим, что и здесь когнитивизм противостоит генеративизму: Дж. Лакофф, Р. Лангакер и др. считают, что к сфере языка относятся только непосредственно наблюдаемые (фиксируемые в тексте) структуры.

Галлезе и Лакофф, полагая, что фраза с метафорическим употреблением глагола типа *They kicked him out of class* / *Они выкинули его из класса* должна активировать сенсомоторные отделы мозга, связанные с пинанием [32, с. 472].

На наш взгляд, не менее важным для обоснования сенсомоторной теории глагольной семантики было бы задаться еще одним вопросом: сохраняется ли такая сенсомоторная связь для гораздо более многочисленных и “интересных” уже собственно человеческих действий (по классификации Н.А. Бернштейна) типа *надеть* (туфли), *застегнуть* (пальто), *запечатать* (письмо в конверт), *поджарить* яичницу, *намазать* тост джемом и др.? Серьезные сомнения в положительном ответе на него обусловлены несколькими обстоятельствами. Во-первых, каждое такое действие а) многозвенно и б) обладает “смысловой стороной”, связывающей звенья в единое действие и предопределяющей их состав и последовательность в процессе активного **взаимодействия с предметом** [66, с. 165]. Например, действие “намазать тост джемом” включает такие звенья: взять в одну руку тост, в другую нож, зачерпнуть его лезвием порцию джема, размазать ее по тосту и т.д. Кроме того, разные звенья а) могут варьироваться (сначала перенести несколько порций джема на тост, а затем их размазать, или размазывать каждую порцию) и б) могут выполняться разными частями тела (при запечатывании конверта действуют руки, а иногда и язык; при надевании туфли – руки и ноги). Во-вторых, референтами подобных глаголов часто бывают действия с альтернативными (и существенно разными) звеньями. К примеру, действие-референт выражения *надеть туфли* может содержать звено “зашнуровывать”, или “застегивать на пряжку”; референт выражения *застегнуть куртку* может содержать звено “застегивать на молнию” или “застегивать на пуговицы” и т.д.

Наконец, согласно теории построения биодвижений Н. А. Бернштейна, действия типа *пнуть*, *лизнуть*, *поднять*, *схватить* структурно элементарны и ориентированы на достижение пространственных целей. И у животного, и у человека они реализуются одним нейрофизиологическим механизмом (управляются уровнем “пространственного поля” С). Что же касается многозвенных смысловых действий с предметом, то они “почти монополюльно принадлежат человеку”, а у животных практически отсутствуют [66, с. 158]. Эти действия обеспечиваются сугубо человеческим нейрофизиологическим механизмом (управляются отсутствующим у животных предметным

уровнем. Д) и составляют основную часть всей совокупности действий человека.

5. Является ли лингвистика естественной наукой?

Можно ли надеяться, что в своем последующем развитии теоретическая лингвистика оправдает надежды А. Мейе и других лингвистов – сторонников его точки зрения – и придет к единой теории языка или же природа языка как объекта исследования не оставляет нам таких надежд? Иначе говоря, отвечает ли возникшая ситуация природе языка или же она целиком обусловлена спецификой текущего этапа развития наших знаний о языке? Этот вопрос тесно связан с другим вопросом: относится ли лингвистика к кругу естественнонаучных дисциплин? Если относится (или же близка к ним), то формирование единой теории языка рано или поздно произойдет. Если же нет, то вопрос о статусе лингвистики (и возможности формирования единой теории языка) остается открытым, поскольку отнесение лингвистики к сугубо гуманитарным наукам было бы, на наш взгляд, неадекватным решением (см. п. 2).

1. Лингвистика и естественные науки. Вопрос о правомерности признания лингвистики естественной или, по меньшей мере, точной наукой издавна привлекал внимание исследователей. “Подводя итоги на рубеже двух веков, современная лингвистика могла с гордостью указать на ряд достижений, утверждавших за ней право на название точной науки”, – говорилось, например, в давней работе Р.О. Шор [67, с. 33].

Как мы отмечали в начале статьи, далеко не всегда лингвисты склонны относить свою науку к естественнонаучным дисциплинам. Добавим к ним обещание Бодуэна де Куртене: “Может быть, мне в скором времени представится возможность разобрать <...> предубеждения ученых, например, что языковедение есть наука естественная (в смысле ботаники и зоологии), что она совершенно отлична от филологии...” [68, с. 239].

Нас, однако, далее будет интересовать аргументация сторонников отнесения лингвистики к естественным наукам. Рассмотрим здесь аргументы, характеризующие а) природу объекта исследования: подобно объектам других естественных наук, язык является природным объектом и б) метод исследования: при описании языка используется естественнонаучная методология.

Среди аргументов первого рода наиболее убедительные, на мой взгляд, доводы приводит М. Мюллер, посвятивший данному вопросу монографию “Лекции по науке о языке”, вышедшую в 1860 году (на 11 лет раньше, чем статья Б. де Куртене). Первая лекция в ней так и называется: “Наука о языке – одна из естественных наук”. Отметим прежде всего мюллеровское определение дихотомии “естественные науки vs. гуманитарные науки”. По мысли Мюллера, предметом исследования естественнонаучной дисциплины является натуральный, природный объект – “творение Бога” (физический мир для физики, живая природа – для биологии и т.д.), а “исторические” (или гуманитарные – в современной терминологии) науки изучают “произведения человека” [50, с. 16]. Важным дополнением к этой дефиниции служат разъяснения, почему человеческий язык – это природный объект. Поэтому, считает Макс Мюллер, что языковые изменения носят сугубо эндогенный характер: ни отдельный человек, ни даже коллектив не могут произвольным образом или по соглашению его изменять. По словам М. Мюллера, “язык подвержен непрерывной перемене, однако не во власти человека ни произвести, ни отвратить ее...”. Если в языке какая-то “перемена случится, то не по произволу одной личности или взаимному соглашению многих <...> и если первый толчок к новому образованию в языке дан отдельным лицом, то он почти всегда <...> неумышлен, даже бессознателен <...> и результаты <...> им произведенные, зависят от законов, лежащих вне его власти <...>” [50, с. 28–30].

Характерно, что приведенные наблюдения М. Мюллера о бессознательности и произвольности языковых изменений, разделяют представители разных научных школ: Г. Пауль, Ф. де Соссюр и др. В наше время мюллеровский принцип деления наук на естественные и гуманитарные принят многими лингвистами, ср.: “Ученых-гуманитариев интересует в человеке не природное, не естественное, а искусственное <...> как расценивать <...> язык: феномен ли это искусственного или естественного порядка? <...> внутри лингвистики граница между естественнонаучным и гуманитарным знанием до некоторой степени совпадает с границей между языком и речью <...>” [69, с. 45]¹⁴; “Язык – явление природы. Разве вы можете создать язык?” (из упоминавшейся выше лекции В.А. Плунгяна).

Аргументация второго рода – использование естественнонаучной методологии – рассмотре-

на в статье [72]¹⁵, специально посвященной этой теме. В ней автор приходит к следующему выводу: естественной наукой является всякая наука, которая успешно использует естественнонаучную методологию, а другого критерия, который бы отличал “природное” от “не-природного”, нет.

Сходный взгляд на лингвистику как науку представлен в статье [5]. В ней, в частности, подробно разбирается точка зрения французского лингвиста Ж. Лазара [73], который, развивая идеи философа Ж.-Г. Гранже (G.-G. Granger), утверждает, что теоретическая лингвистика с ее обилием различных теорий языка в настоящем своем состоянии относится к протонаукам, ввиду «отсутствия, как выражается Гранже и, вслед за ним, Лазар, “категориального определения” собственного объекта, недостаточности эксплицитных дефиниций, неразвитости формализации и т.п.». Как пишет далее В.Б. Касевич: «Несколько редактируя и переформулируя соответствующие утверждения, можно сказать, что в “настоящей науке” ученый заменяет свой объект его формальным абстрактным аналогом (моделью), с которым и работает, сопоставляя полученные результаты с наблюдением и экспериментом» [5, с. 62]. Вместе с тем французские ученые считают, что дальнейшее развитие лингвистики должно превратить ее в “настоящую” науку с единой научной парадигмой.

Сделаем к сказанному два комментария.

1) Разделяя тезис о важности применения естественнонаучной методологии в изучении и описании языка, мы хотели бы подчеркнуть, что решающую роль здесь играет **адекватность** абстрактной модели языка, используемой в рамках этой методологии, моделируемому объекту; ср. тезис Н. Хомского: “При некоторой *допустимой идеализации* <Under familiar and appropriate idealizations> можно сказать, что язык человека – это вычислительная система, часть мышления (механизмов мозга), которая порождает неограниченное множество структурно организованных выражений” [15, с. 45] (курсив мой. – А.К.). Но вопрос в том, допустима ли в глазах лингвистического сообщества такая идеализация? Или же она, напротив, невосполнимо редуцирует реальный объект исследования? И.А. Мельчук, строго отделяя собственно языковой смысл (он формируется отдельной, внеположной языку моделью) от модели Смысл–Текст (т.е. от модели языка, которая получает на вход этот смысл и работает с ним), подчеркивает, что “подобная трактовка не

¹⁴ Эта статья вызвала интересную дискуссию, см. [70; 71].

¹⁵ Я весьма признателен Я.Г. Тестельцу, обратившему мое внимание на данную статью.

претендует... на соответствие психологической реальности” [74, с. 24]. Точно также и здесь – главное, понять, в какой мере такое допущение “не соответствует реальности”, насколько сильно столь дробная модульность модели искажает моделируемый объект?

Вместе с тем обсуждавшиеся выше свойства языка – устойчивость к произвольным попыткам его изменения и регулярность речевого поведения его носителей – внушают серьезные надежды на возможность построения адекватной модели.

2) В современной лингвистике уровень формализации достаточно высок. Имеется целый ряд теорий: Н. Хомского, Р. Джекендоффа, И.А. Мельчука и др., использующих абстрактную (или близкую к ней) модель языка и естественнонаучную методологию. Так что относить современную лингвистику к протонаукам ввиду “недостаточности эксплицитных дефиниций и неразвитости формализации” было бы по меньшей мере спорным. Вместе с тем, несмотря на наличие формальных моделей и естественнонаучной методологии, возникновение новых теорий языка отнюдь не прекращается. Однако и это обстоятельство, как кажется, к протонауке отношения не имеет. Как мы уже отмечали, в современной физике в настоящее время сосуществуют несколько альтернативных вариантов общей теории поля, объединяющей гравитационное, электромагнитное и ядерное (слабое и сильное) поля. Поэтому резонно полагать, что наличие оппозиционных друг другу теорий характеризует лишь определенную стадию развития области знаний (как науки, так и протонауки), когда она обращается к изучению какого-то **нового аспекта** своего объекта.

Специфика ситуации, сложившейся в современной теоретической лингвистике, заключается не в наличии разнообразных теорий языка, а в том, что эти теории не соперничают друг с другом за право стать единственно истинной теорией. А такое положение дел неприемлемо, во-первых, для представителей любой естественной науки, а во-вторых, для А. Мейе, Р.О. Якобсона и ряда других лингвистов.

2. Статус лингвистики как науки. При обсуждении научного статуса лингвистики необходимо иметь в виду, что язык – предмет ее изучения – обладает тремя специфическими свойствами, отличающими его от предмета исследования естественной науки. Во-первых, он не является вполне самостоятельным объектом изучения, в отличие, скажем, от физического мира, – предмета изучения физики, или мира живого, изучаемого

биологией. Если при изучении живого организма мы можем на какое-то время абстрагироваться от среды его обитания, то при изучении языка этого нельзя сделать ни на минуту. Как мы уже отмечали выше, язык не является изолированным модулем. В силу этого было бы недопустимым упрощением игнорировать при его изучении некоторые другие аспекты человеческой деятельности: мышление, ментальную репрезентацию мира, действия, эмоции и пр., поскольку они постоянно и непосредственно соучаствуют в порождении языковых выражений. В этом плане лишь науку будущего – условно говоря, когнитивистику, объединяющую весь круг наук о человеке, можно было бы считать естественной наукой. Предмет ее исследования – человек, во-первых, является “творением Бога”, а не “произведением человека”, и, во-вторых, представляет собой вполне самостоятельный вид, строго вычленившийся в ряду близких ему видов животных.

Другой отличительной чертой человеческого языка является полная зависимость его конкретной версии, усваиваемой ребенком, от “инпута” – входной речи, которую ребенок слышит от своих родных и близких. Пожалуй, ни одно другое свойство человека не зависит от влияния окружения столь сильно. К примеру, ребенок не способен самостоятельно научиться ходить, но тем не менее человеческая ходьба очень мало зависит от окружающего человека социума. Аналогично, вряд ли что-то изменится в коммуникативном или каком-либо другом поведении детеныша шимпанзе, если его отдать матери из другой группы. В то же время младенец, переданный на воспитание из одной африканской деревни в соседнюю, имеющую тот же самый жизненный уклад, но говорящую на существенно ином языке, усвоит именно этот язык, а не язык его родного племени.

Наконец, третьей отличительной чертой человеческого языка, точнее, множества его версий – конкретных человеческих языков, – является непрерывное и быстрое изменение. Оно свойственно каждому конкретному языку. Речь детей лексико-семантически и стилистически заметно отличается от речи их родителей и тем более, от речи их бабушек и дедушек. На больших интервалах времени становятся заметными и грамматические изменения. В биологии, к примеру, также имеется множество различных видов живых существ. Но они не изменяются столь быстро. Поэтому “диахронический” аспект не релевантен при изучении структуры и функций живых организмов, сущности живого.

Все сказанное выше позволяет заключить, что лингвистика как одна из наиболее формализуемых наук о человеке, занимает особое место в рамках оппозиции “естественные vs. гуманитарные науки”.

6. Кризис и его причины

1. Итоговый вывод. Подытоживая проведенные выше рассуждения, можно заключить, что кризис теоретической лингвистики, возникший во второй половине XX в. после ослабления влияния структурализма, достиг к началу XXI в. своей критической стадии: продолжать параллельное движение по множеству альтернативных направлений или же порождать новые альтернативы бессмысленно. Требуется как можно быстрее заняться поисками путей выхода из этой “дурной бесконечности”¹⁶. Проанализируем кратко сложившуюся ситуацию.

2. Корень проблемы. При всем многообразии современных лингвистических теорий ни одна из них не уделяет сколько-нибудь существенное внимание указанным свойствам языка. В этом и заключается, на наш взгляд, ответ на сакральный вопрос: в чем причина неуправляемого порождения в современной лингвистике все новых и новых концепций языка? В связи с данным ответом естественно возникает другой вопрос: почему столь бурный рост языковой “многопарадигмальности” пришелся именно на вторую половину XX века?

Для ответа на него мы будем опираться на хорошо известную интерпретацию развития лингвистики в прошлом столетии, когда «в центр науки о языке после Ф. де Соссюра был поставлен вопрос “Как устроен язык?”... а Хомский выдвинул на первый план вопрос “Как функционирует язык?”» [75, с. 21]. Иначе говоря, в первой половине XX века в центре внимания было “исследование языковой структуры” (Р.О. Якобсон), а во второй половине – построение языковых моделей¹⁷. Но совершенно понятно, что на изучение

языковых структур влияние отмеченных выше специфических свойств языка (взаимодействие в процессе функционирования с другими человеческими подсистемами и непрерывность происходящих в нем изменений) минимально – особенно в условиях доминирования синхронического подхода. Поэтому при всем своем внешнем разнообразии теории языка сохраняли в этот период некоторое внутреннее единство.

Однако, как только в центре интересов теоретической лингвистики оказались проблемы функционирования языка, роль этих специфических свойств резко возросла. Между тем в современных теориях языка они продолжают игнорироваться. По-прежнему доминирует синхронический подход. Не отражена в современных моделях функционирования языка роль сопредельных ему подсистем: мышления, представления знаний и др.¹⁸ Наконец, практически не изучается роль инпута в формировании своеобразия частеречных и грамматических значений (механизмы этого влияния и его сила, преобладающая с какого-то момента над универсальными законами когнитивного развития ребенка). Понятно, что в таких условиях при построении модели языка лингвист пользуется гораздо большей “творческой” свободой, чем при описании его структуры.

Фактически каждый ученый может предложить свою модель, отражающую его собственное понимание а) назначения языка, б) специфики его функционирования (порождающее / преобразующее и пр. устройство), в) вида производимых им выражений, г) способа их интерпретации, д) типологии используемых языком структур данных (собственно языковые, общие когнитивные и пр.) и т.д. Так, по существу, и происходит.

самым популярным жанром лингвистической литературы) [76, с. 13; выделено автором]. Не имея возможности обсуждать здесь этот тезис, отметим лишь, что он никак не влияет на логику наших рассуждений. Кроме того, понятно, что сама по себе указанная тенденция не сулит каких-либо перспектив в плане построения единой теории языка.

¹⁸ Важность данного положения отмечал И.А. Мельчук. Обсуждая возможности функциональных моделей языка, он, в частности, писал: «Имеется следующее очень существенное различие между физическими и подобными им моделями и лингвистической моделью языка: физические науки располагают фундаментальной физической теорией мира, и любая модель, предлагаемая физиком, обязана “вписываться” в эту теорию – что резко ограничивает множество возможных моделей и тем самым делает их более надежными. В науке о языке ничего подобного (пока!) нет: не существует фундаментальной теории мозга или хотя бы психического поведения, на которую могли бы опираться лингвисты. Тем самым наши модели куда менее достоверны, чем модели, с которыми имеют дело физики» [22, с. 19].

¹⁶ Этот вывод удивительно созвучен оценке, которую Р.О. Шор дала состоянию общего языкознания конца XIX – начала XX в.: “Так в теоретическом тупике заканчивается блестящее развитие претендующего на исключительную научность языковедения 2-й половины XIX в.” [67, с. 39]. Правда, сущность того “теоретического тупика” была совсем иной.

¹⁷ С конца XX в. набирают силу и другие тенденции в изучении языка, ср.: “...если некоторая предыдущая эпоха занималась **описанием** тех или иных механизмов языка путем их **моделирования**, то сейчас интерес явно сдвинулся в область их **объяснения**, с одной стороны, и их **инвентаризации** – с другой (**словарь** стал сейчас, по-видимому,

Модель Н. Хомского порождает (формирует без опоры на входные данные) абстрактные синтаксические выражения, не имеющие прямого назначения, но используемые внеязыковыми когнитивными механизмами для мышления и коммуникации.

Модель Р. Джекендоффа также порождает абстрактные выражения, но они, во-первых, содержат дополнительно фонологический и семантический компоненты, а во-вторых, имеют прямое назначение – воплощать мысли (концептуальные структуры) говорящего, т. е. осуществлять коммуникативную функцию.

Модель И. А. Мельчука уже не порождающая, а преобразующая. Она также выполняет коммуникативную функцию, но в более узкой интерпретации, сопоставляя полученному языковому (а не универсальному, как у Джекендоффа) смыслу, поступающему на ее вход, конкретную фразу, выражающую этот смысл.

Дж. Лакофф не построил общей модели языка, но постулировал некоторые важнейшие ее свойства: она а) не должна быть модульной, строго отделенной от остальных когнитивных структур человека и б) должна опираться на базовые концепты и другие когнитивные структуры (схемы: “центр – периферия” и др.), имеющие прототипическую природу.

Свои требования к общей модели языка содержат и другие подходы: концепция А. Вежбицкой использует в качестве базового понятийного аппарата ЕСМ (естественный семантический метаязык – набор универсальных концептуальных примитивов и простейших концептуальных структур); “грамматика конструкций” предлагает использование в качестве базовых единиц простейшие целостные языковые конструкции и т.д.

3. Контуры синтетической парадигмы естественного языка. В свете сказанного единственный, на наш взгляд, выход из сложившейся ситуации состоит в том, чтобы начать построение теории языка заново. Но не еще одной, альтернативной к уже имеющимся, а всеобъемлющей, или синтетической, нацеленной на **всестороннее** описание языка, учитывающее, насколько это возможно, **всю многоаспектность** его свойств и способной благодаря этому обеспечить долгожданный консенсус в сообществе лингвистов-теоретиков “с позиции доказательной силы”¹⁹.

¹⁹ Понятно, что, если такая теория будет построена, все современные теории языка, кроме, быть может, одной, утратят актуальность и станут предметом истории лингвистики (две или три противоречащих друг другу теории не могут стать основой единой теории).

Вслед за целым рядом лингвистов мы считаем, что рано или поздно в лингвистике такая теория будет создана (если не единая и общепризнанная, то, по крайней мере, **доминирующая**, подобная, скажем, теории Дарвина в эволюционной биологии).

Но для этого необходимо, чтобы построение новой теории шло в соответствии с целым рядом условий и требований, во-первых, сугубо языковых, **внутрисистемных**, связанных с функционированием языка и его диахроническим изменением, во-вторых, междисциплинарных, **межсистемных**, выдвигаемых другими подсистемами, тесно взаимодействующими с языковой подсистемой и, в-третьих, **социальных**, отражающих влияние на усвоение и функционирование языка прежде всего инпута, а также и всего жизненного уклада социума.

Кроме того, синтетическая теория языка должна строиться с учетом проблем и результатов отдельных разделов языкознания, в частности, онтолингвистики, глоттогенетической лингвистики и глоттохронологии, т.е. а) способствовать объяснению основных механизмов и этапов усвоения родного языка ребенком, б) служить опорой для реконструкции протоязыка или нескольких протоязыков, задающих последовательные этапы языковой эволюции и в) учитывать результаты теории генетического родства языков.

В последние десятилетия XX в. интерес лингвистов к некоторым из указанных сторон языка возрождается (отметим прежде всего ряд исследований механизмов диахронических изменений в языке, см., например, статьи [77; 78; 76; 79] и библиографию в них). Однако задача комплексного учета перечисленных выше требований, насколько нам известно, даже не ставилась.

Подчеркнем: синтетическая теория не может быть сугубо лингвистической. В нее, наряду с лингвистической, должны входить системно связанные с ней когнитивная (представление знаний) и мыслительная (формирование мыслей) составляющие.

Начальный (ядерный) компонент диахронической и синтетической теории языка, описывающий период речемыслительного развития ребенка от 6-месячного до 4-летнего возраста по трем взаимосвязанным линиям: ментальному представлению действительности, речи и мышлению, представлен в [80, с. 717–767]. Далее этот компонент можно “растить вверх и вширь”, достраивая его новыми линиями и возрастными этапами развития ребенка.

Выражаю глубокую благодарность В.Б. Касевичу, Н.В. Перцову и Я.Г. Тестельцу за ценные замечания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Meillet A.* Sur la terminologie de la morphologie générale // *Revue des études hongroises*. Paris, 1928.
2. *Якобсон Р.О.* Лингвистика и ее отношение к другим наукам // *Р.О. Якобсон. Избранные работы*. М.: Прогресс, 1985. С. 369–420.
3. *Кубрякова Е. С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // *Ю.С. Степанов (ред.). Язык и наука конца 20 века*. М.: Наука, 1995. С. 144–238.
4. *Кибрик А. Е.* Современная лингвистика: откуда и куда // *Вестник МГУ. Сер. Филология*. 1995. № 5. С. 93–103.
5. *Касевич В. Б.* Является ли лингвистика наукой? (По поводу статьи Жильбера Лазара) // *Материалы XXIX межвуз. науч.-методич. конф. преподавателей и аспирантов*. Вып. 14. Секция общего языкознания. Ч. 1. СПб., 2000. С. 53–68.
6. *Fitch W.T.* The Evolution of Language. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2010.
7. *Демьянков В. З.* Парадигма в лингвистике и теории языка // *Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. статей в честь Е.С. Кубряковой*. М.: “Языки славянских культур”, 2009. С. 27–37.
8. *Серио П.* В поисках четвертой парадигмы // *Философия языка: в границах и вне границ*. Вып. 1. Харьков: Око, 1993. С. 37–52.
9. *Ньюмейер Ф.Дж.* Спор о формализме и функционализме в лингвистике и его разрешение // *Вопросы языкознания*. 1996. № 2. С. 43–54.
10. *Апресян Ю.Д.* Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1. Парадигматика. М.: “Языки славянских культур”, 2009.
11. *Соссюр Ф.* Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.
12. *Уорф Б.* Наука и языкознание // *Зарубежная лингвистика*. Т. 1. Новое в лингвистике: Избранное. М.: Прогресс, 1999. С. 92–106.
13. *Pinker S.* The Stuff of Thought: Language as a Window into Human Nature. Penguin Press Science, 2007.
14. *Пинкер С.* Язык как инстинкт. М.: УРСС, 2004.
15. *Chomsky N.* Some simple evo-devo theses: how true might they be for language? // *R.K. Larson, V.M. Déprez, H. Yamakido (eds). The evolution of human language: biolinguistic perspectives*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010. P. 5–62.
16. *Плунгян В.А.* О (бес)конечности языка // *Типология и теория языка: От описания к объяснению. Сб. статей к 60-летию А.Е. Кибрика*. М.: “Языки русской культуры”, 1999. С. 50–56.
17. *Hauser M.D., Chomsky N., Fitch W.T.* The faculty of language: What is it, who has it, and how did it evolve? // *Science*. 2002. 298. P. 1569–1579.
18. *Jackendoff R.* Your theory of language evolution depends on your theory of language // *R. K. Larson, V. M. Déprez, H. Yamakido (eds). The evolution of human language: biolinguistic perspectives*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010.
19. *Jackendoff R.* Language, Consciousness, Culture: Essays on Mental Structure. Cambridge (MA): MIT Press, 2007.
20. *Хомский Н.* Язык и мышление. М.: МГУ, 1972.
21. *Chomsky N.* Rules and Representations. Columbia Univ. Press, 1980.
22. *Мельчук И.А.* Язык: от смысла к тексту. М.: “Языки славянской культуры”, 2012.
23. *Fillmore Ch.J., Kay P., O'Connor M.C.* Regularity and idiomatcity in grammatical constructions: The case of “let alone” // *Language*. 1988. 64 (3). P. 501–538.
24. *Goldberg A.T.* Constructions: A construction grammar approach to argument structure. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
25. *Goldberg A.T.* Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006.
26. *Tomasello M.* Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition. Cambridge (MA): Harvard Univ. Press, 2003.
27. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: “Языки славянской культуры”, 2004.
28. *Bates E.* Modularity, domain specificity and the development of language. In *D.C. Gajdusek, G.M. McKhann, & C.L. Bolis, (Eds.), Evolution and neurology of language. Discussions in Neuroscience*, 10(1–2), 136–149.
29. *Ченки А.* Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях // *Вопросы языкознания*. 1996. № 1. С. 68–78.
30. *Мельчук И.А.* Зависимости-2011: Отношение зависимости в языке и в лингвистике // *Вопросы языкознания*. 2012. № 1. С. 3–26.
31. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М.: “Языки русской культуры”, 1999.
32. *Gallese V., Lakoff G.* The brain's concepts: the role of the sensory-motor system in conceptual knowledge // *Cognitive neuropsychology*. 2005. 22. P. 455–479.
33. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и базовые концепты. М.: “Языки славянских культур”, 2011. С. 91–124.
34. *Виноградов В.В.* Основные типы лексических значений слова // *Избранные труды: Лексикология и лексикография*. М., 1977. С. 162–189.
35. *Кошелев А.Д.* Почему полисемия является языковой универсалией? (Когнитивная природа и языковая функция многозначных слов) // *Смыслы, тексты и*

- другие захватывающие сюжеты: Сб. статей в честь 80-летия Ю.Д. Апресяна. М.: “Языки славянских культур”, 2011. С. 695–735.
(http://www.ruslang.ru/doc/apresjan_festschrift2011/Koshelev.pdf)
36. Кошелев А.Д. Значение слова как генеративный комплекс: когнитивное значение (связанная со словом структура концептов) → языковое значение (набор узусных смыслов) // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: Сб. статей в честь 80-летия И.А. Мельчука. М.: “Языки славянской культуры”, 2012. С. 301–329.
(http://www.ruslang.ru/doc/melchuk_festschrift2012/Koshelev.pdf)
 37. Longman Dictionary of Contemporary English. 5-th ed. Printed in Italy, 2009.
 38. Шмелев Д.Н. Современный русский язык: Лексика. М.: Просвещение, 1977.
 39. Brugman C., Lakoff G. Cognitive topology and lexical networks // S. L. Small, G. W. Cottrell, M. K. Tanenhaus (eds). *Lexical Ambiguity Resolution: Perspectives from psycholinguistics, neuropsychology, and artificial intelligence*. San Mateo (CA), 1988. P. 477–508. *contradictio in adjecto*.
 40. Norvig P., Lakoff G. Taking: a study in lexical network theory // *Proceedings of the 13th Berkeley Linguistics Society Annual Meeting*. Berkeley: BLS, 1987. P. 195–206.
 41. Апресян Ю.Д. Введение // Ю.Д. Апресян (отв. ред.). *Прспект активного словаря русского языка*. М.: “Языки славянских культур”, 2010. С. 17–55.
 42. Аркадьев П.М. Структура события и семантико-синтаксический интерфейс. Обзор новейших работ // *Вопросы языкознания*. 2008. № 2. С. 107–136.
 43. N. Chomsky. Approaching UG from below // U. Sauerland, H.-M. Gärtner (eds). *Interfaces + Recursion = Language? Chomsky’s minimalism and the view from syntax-semantics*, Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. P. 1–30.
 44. Chomsky N. Three factors in language design // *Linguistic Inquiry*. Vol. 36. Number 1. Winter 2005. P. 1–22.
 45. Tomasello M. Beyond formalities: The case of language acquisition // *The Linguistic Review*. 2005. 22. P. 183–198.
 46. Bickerton D. Language evolution: A brief guide for linguists // *Lingua*. 2007. 117. P. 510–526.
 47. Hewes G.W. *Language origin theories* // *Language learning by a chimpanzee: The Lana project*. New York, 1977.
 48. Козинцев А.Г. Зоосемиотика и глоттогенез // *Антропологический форум* (в печати), <http://www.mendeley.com/profiles/alexander-kozintsev/>.
 49. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
 50. Мюллер М. *Лекции по науке о языке*. М.: УРСС, 2009.
 51. Bickerton D. *Language and Species*. Chicago: Univ. of Chicago Press., 1990.
 52. Бикертон Д. *Язык Адама: Как люди создали язык, как язык создал людей*. М.: “Языки славянских культур”, 2012.
 53. Тестелец Я.Г. *Введение в общий синтаксис*. М.: РГГУ, 2001.
 54. Evans N., Levinson S.C. The myth of language universals: Language diversity and its importance for cognitive science // *Behavioral and Brain Sciences*. 2009. 32 (05). P. 429–492.
 55. Пинкер С., Джекендофф Р. Компоненты языка: что специфично для языка и что специфично для человека? // *Разумное поведение и язык*. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. М., 2008. С. 61–292.
 56. Jackendoff R., Pinker S. The nature of the language faculty and its implications for evolution of language (Reply to Fitch, Hauser, and Chomsky) // *Cognition*. 2005. 97. P. 211–225.
 57. Pinker S., Jackendoff R. The faculty of language: what’s special about it? // *Cognition*. 2005. 97. P. 201–236.
 58. Bickerton D. On two incompatible theories of language evolution // R.K. Larson, V.M. Déprez, H. Yamakido (eds). *The evolution of human language: biolinguistic perspectives*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010. P. 199–210.
 59. Fitch W.T., Hauser M.D., N. Chomsky. The evolution of the language faculty: clarifications and implications // *Cognition*. 2005. 97. P. 79–210.
 60. *Functionalism and Formalism in Linguistics* / Ed. by F. Newmeyer, M. Darnell, E. Moravcsik, M. Noonan, K. Wheatley // *Studies in Language Companion Series*, Vol. 41. Amsterdam: John Benjamins, 1999. Vol. I: General Papers. Vol. II: Case Studies.
 61. Haspelmath M. Why can’t we talk to each other? // *Lingua*. 2000. 110. P. 235–255.
 62. Риццолатти Д., Синигалья К. *Зеркала в мозге: О механизмах совместного действия и сопереживания*. М.: “Языки славянских культур”, 2012.
 63. Rizzolatti G., Arbib M. Language within our grasp // *Trends in Neuroscience*. 1998. 21.
 64. Arbib M. *How the Brain Got Language. The Mirror System Hypothesis*. Oxford Univ. Press, 2012.
 65. Pulvermüller F. Brain mechanisms linking language and action // *Nature Reviews Neuroscience*. 2005. 6 (7).
 66. Бернштейн Н.А. *Биомеханика и физиология движений*. М.; Воронеж: ИД РАО, 2008.

67. *Шор Р.О.* Кризис современной лингвистики // Яфетический Сборник. Вып. 5 Л., 1926. С. 32–71.
68. *Куртене Бодуэн.* Некоторые общие замечания о языковедении и языке // Хрестоматия по истории языкознания XIX–XX веков / Сост. В. А. Звегинцев. М.: УЧПЕДГИЗ, 1965.
69. *Шапир М. И.* “Тебе числа и меры нет”: О возможностях и границах “точных методов” в гуманитарных науках // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 43–62.
70. *Гладкий А.В.* О точных и математических методах в лингвистике и других гуманитарных науках // Вопросы языкознания. 2007. № 5. С. 2–38.
71. *Перцов Н.В.* О точности в филологии // Вопросы языкознания. 2009. № 1. С. 100–124.
72. *Chomsky N.* Language and Nature // Mind. 104 (413). 1995. P. 1–61.
73. *Lazard G.* La linguistique est-elle une science? // Bulletin de la Société de la Linguistique de Paris. 1999. T. XCIV, fasc. 1.
74. *Мельчук И.А.* Опыт теории лингвистических моделей “Смысл $\Leftrightarrow$ Текст”. Семантика, синтаксис. М.: “Языки русской культуры”, 1974/1999.
75. *Алпатов В.М.* Некоторые заметки по истории лингвистики // *Е.В. Рахилина, Я.Г. Тестелец* (ред.). Типология и теория языка: От описания к объяснению. К 60-летию А.Е. Кибрика. М.: “Языки русской культуры”, 1999. С. 19–25.
76. *Зализняк Анна А.* Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект создания “Каталога семантических переходов” // Вопросы языкознания, 2001, № 2. С. 13–25.
77. *Николаева Т.М.* Диахрония или эволюция? (Об одной тенденции развития языка) // Вопросы языкознания. 1991. № 2. С. 12–26.
78. *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М.: “Языки славянских культур”. 2004.
79. *Зализняк Анна А.* Опонятии семантического перехода // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Междунар. конф. Диалог’2009. Бекасово, 27–31 мая 2009 г. М., 2009. С. 107–112.
80. *Кошелев А.Д.* Когнитивистика перед выбором: дальнейшее углубление противоречий или построение единой междисциплинарной парадигмы // *У.Т. Фитч.* Эволюция языка. М.: “Языки славянской культуры”, 2013. С. 680–767. (<http://www.akoshelev.net>)